

УДК 327.7, 324

ФАКТОР ОБЩЕЙ РЫБОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС В СВЕТЕ БРЕКЗИТА

© 2023 г. КОЛОМИН Вячеслав Олегович*

Соискатель

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: vokolomin@ya.ru*

Поступила в редакцию 19.03.2023

После доработки 23.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проанализировано влияние общей рыболовной политики Евросоюза на выход Британии из ЕС. Изучены причины появления экономически незначительного рыболовного вопроса на авансцене британской внутривнутриполитической повестки в период брекзита. Сделан акцент на факторе общей рыболовной политики в переговорах о выходе Британии из ЕС и последующем Соглашении о торговле и сотрудничестве. Проанализированы роль рыболовных сообществ в голосовании о брекзите, а также факторы, определившие позиции и стратегии сторон в переговорах о выходе из общей рыболовной политики ЕС. Показана взаимосвязь институциональных и политико-экономических особенностей общей рыболовной политики с итоговым Соглашением о торговле и сотрудничестве между Британией и ЕС в части рыболовства. Несмотря на определенные уступки Брюсселя и переход четверти европейской доли вылова рыбакам Соединенного Королевства в течение переходного периода, Соглашение не фиксирует принципиальных изменений в рыболовной политике Британии и сотрудничестве сторон. Итоговая сделка является отражением взаимозависимости партнеров, достигнутого уровня европеизации в регулировании рыболовства и сохраняет за европейскими рыбаками преференциальный доступ к британским водам.

Ключевые слова: Европейский союз, общая рыболовная политика, брекзит, рыболовство, многоуровневое управление

DOI: 10.31857/S0201708323040137

EDN: bxmctg

Доля рыболовства в экономике Соединенного Королевства составляет около 1% ВВП, однако политическое влияние рыболовного вопроса в контексте брекзита оказалось существенно выше экономического значения индустрии. Выход из об-

шей рыболовной политики ЕС (ОРП) выступил индикатором успеха курса на возвращение контроля на национальный уровень. Рыбаки активно участвовали в движении евроскептиков (брекзитеров). Тем не менее Соглашение о торговле и сотрудничестве между Соединенным Королевством и ЕС (СТС) стало триумфом взаимозависимости и институциональной связанности партнеров: несмотря на некоторые уступки по квотам со стороны Брюсселя, Лондону не удалось изменить сущность и принципы сотрудничества в этой сфере.

Факторы политической значимости рыболовства для Британии

Политика в области рыболовства традиционно определяется тремя основными взаимозависимыми парадигмами: сохранением биоразнообразия, приумножением экономического благосостояния и поддержанием социального благополучия рыболовных сообществ [Charles, 1992]. Вместе с тем выход Соединенного Королевства из ЕС наглядно продемонстрировал значимость политического измерения рыболовства, наряду с социоэколого-экономическим. Политическое значение индустрии для Британии связано с вопросами суверенитета над водными пространствами и национальной культурой.

Политический символизм проистекает из островного положения страны, которое придает особую значимость контролю над водными пространствами и хозяйственному освоению окружающих морей. Проблематика контроля прилежащих морей и защиты британских рыболовов появляется в Новое время в трактатах шотландского юриста Уильяма Велвода и английского юриста Джона Селдена. Они отстаивали концепцию закрытого моря в противовес идеи Гуго Гроция о свободном доступе к морским пространствам на основе естественного права [Grotius, 1916]. В то время как сторонники концепции открытого моря исходили из потребности обеспечения свободы торговли и мореплавания, британские авторы обращали внимание на необходимость защиты районов промысла.

Становление морского права во второй половине XX в. на фоне стремительного сокращения доступных биоресурсов привело к появлению феномена «рыбных войн» [Руденкова, 2015], которые оказали негативное влияние на социально-экономическое состояние британского рыбохозяйственного комплекса. Наиболее болезненным для Британии стал опыт «Тресковых войн» с Исландией, чьи промысловые воды исторически были объектом противостояния. Расширения исландской юрисдикции с 1952 по 1975 гг. происходили в период работы Международной конференции ООН по морскому праву (*United Nations Convention on the Law of the Sea, UNCLOS*), катализируя становление принятого разделения морских пространств¹ [Jóhannesson, 2004]. Потеря доступа к исландским водам привела к сокращению рабочих мест и упадку экономики прибрежных регионов Британии.

Новый международный режим разделения морских пространств и выдворение британских рыбаков из традиционных промысловых районов стали частью коллек-

¹ Разделение на внутренние воды, территориальное море (до 12 морских миль от исходной линии), прилежащую зону (12-24 м.м.), исключительную экономическую зону (24-200 м.м.).

тивной памяти рыболовных сообществ Британии. В период брекзита именно успешный опыт Исландии по продвижению и закреплению зоны национальной юрисдикции был примером для британских рыбаков, выступавших за возвращение суверенитета над водами страны [Carpenter, 2017]. В то же время правительство в большей степени сосредоточилось на изучении норвежского опыта независимого прибрежного государства [Echebarria Fernández et al., 2022]. В рыболовных сообществах утвердилось представление о несправедливости нового режима управления.

Взаимосвязь рыболовства с вопросами суверенитета подчеркивается использованием силовых методов воздействия на море. Значимым международно-политическим последствием «Тресковых войн» стала неспособность Лондона отстоять исторические права рыбаков на вылов в водах Исландии даже с задействованием силового фактора. Лондон не мог дать полноценный силовой ответ на действия Рейкьявика из-за нахождения Исландии под военным зонтиком США. Ограниченные возможности по защите собственного рыболовного флота конвенциональными методами оказались неожиданным вызовом для Соединенного Королевства и ударом по национальной гордости. В период брекзита вопрос о способности Королевского ВМФ обеспечить эффективный контроль над британской исключительной экономической зоной (ИЭЗ) в случае жесткого сценария оказался в центре внимания в свете существенного сокращения бюджета флота¹.

Политическое поражение в «Тресковых войнах» стимулировало выработку нового режима доступа и управления водными ресурсами в Северной Атлантике, в котором именно Британия играла ключевую роль. В 1964 г. подписана Лондонская конвенция о рыболовстве² с участием Британии и всех стран, осуществляющих промысел в Северном море³, за исключением Норвегии и Исландии. Соединенное Королевство пыталось перехватить инициативу и установить собственные правила игры, используя зависимость других подписантов от вылова в британской зоне. До брекзита порядка 70% вылова рыбы в ЕС приходилось на северо-восток Атлантического океана⁴, а ИЭЗ Британии составляла около половины морской зоны Евросоюза.

Лондонская конвенция содержала ряд положений, которые впоследствии станут частью ОРП: двенадцатимильная зона национальной юрисдикции, режим общего пользования биоресурсами в зоне 6–12 морских миль при подтверждении исторических прав. Как заявлял в 1964 г. Эдвард Хит, премьер-министр Британии в 1970–1974 гг., с подписанием Конвенции о рыболовстве «правительство ее Величества выражает отчетливую заинтересованность в решении рыболовных проблем на общеевропейской основе» [Schatz, 2019]. Участие в ОРП открывало для Британии

¹ Admiral calls plan to police post-Brexit fishing waters “amazingly complacent”. The Guardian. 03.07.2017. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2017/jul/03/admiral-calls-plan-to-police-post-brexit-fishing-waters-amazingly-complacent> (дата обращения: 06.04.2023).

² London Fisheries Convention 1964. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/269708/Fisheries_Conv_March-April_1964.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

³ Конвенцию подписали следующие государства: Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция и Британия.

⁴ Key figures on the European food chain. Eurostat. 2021.

доступ на европейский рынок и к программам социально-экономической поддержки рыболовных сообществ, а также давало возможность совместного отстаивания прав на вылов в международных промысловых водах и зонах других государств.

Формирование ОРП в 1970-е гг. стало возможным после вступления Британии в ЕС в 1973 г. Принятие первых рыболовных регламентов 2141/70 и 2142/70 произошло через 6 часов после начала переговоров о вступлении в Евросоюз из-за стремления континентальных государств-членов защитить своих рыбаков от конкуренции в прилежащих водах, что автоматически сделало их частью *acquis communautaire* без необходимости согласования с Лондоном [Bossche, 2005]. Наряду со структурной политикой, направленной на регулирование рынка и финансово-экономическую поддержку рыбаков, развитие ОРП пошло по пути более глубокой интеграции, в основе которой лежала идея о равном доступе всех государств-членов в морские зоны национальной юрисдикции друг друга – один из фундаментальных принципов общей рыболовной политики.

Британские рыболовные сообщества как оплот евроскенницизма

Правительство Британии оказало колоссальное влияние на формирование ОРП, но столкнулось с негативным отношением к этой политике со стороны рыболовных сообществ. Критика со стороны индустрии отражала недовольство сложившимся положением: Соединенное Королевство обладало крупнейшей и наиболее богатой биоресурсами морской зоной в ЕС, однако на британских рыбаков приходилось чуть более половины стоимостного объема вылова в ИЭЗ [Napier, 2016]. Существенно изменить ситуацию было невозможно из-за политического статус-кво в основе ОРП – принципа относительной стабильности. Он определяет неизменность национальных долей на вылов в зависимости от вида и морской зоны на основе задокументированного с 1973 по 1978 гг. улова.

Принцип относительной стабильности – результат политического компромисса. Он появляется в 1976 г. в рамках системы Гаагских преференций. Она стала попыткой Британии, Ирландии и Гренландии закрепить особый статус в ОРП и право на повышенную долю улова из-за расширений третьими странами зоны юрисдикции на море и угрозы для социальной стабильности рыболовных сообществ [Carpenter, 2017; Gray, 1998; Sobrino Heredia, 2017]. В апелляции к жизненно важным интересам Гаагские преференции следуют духу Люксембургского компромисса. Аналогично последнему они не были закреплены в качестве правовой нормы, но превратились в обычай, к которому обращаются государства-члены во время ежегодных переговоров о квотах на вылов.

Лондон стремился улучшить положение рыбаков косвенно, используя национальное право и критерии определения государственной принадлежности судов, т. к. не мог изменить фиксированные факторы распределения квот на вылов. В 1988 г. в Британии принят Акт о торговом судоходстве, устанавливающий критерии регистрации судна в британской юрисдикции на основе капитала компании и гражданства членов экипажа [Sobrino Heredia, 2017]. Документ был призван ограничить практику испанских рыбаков, которым британская прописка позволяла пользоваться

ся местными квотами на вылов и сбывать улов в испанских портах. Попытки Британии в 1980-х гг. отстаивать право принимать национальные законодательные акты в области установления квот на вылов или определения критериев доступа противоречили позиции Суда ЕС. В серии кейсов *Factortame*¹ институт признал Акт противоречащим праву на свободу предпринимательской деятельности (*freedom of establishment*), гарантированному ст. 49 ДФЕС [Энтин, 2015]. На фоне других решений Суда ЕС² Лондон признал верховенство права Союза и наднациональных институтов в управлении рыболовством.

Евроскептицизм британских рыбаков вызван комбинацией факторов, главный из которых – объективное исчерпание морских биоресурсов. Во всех регионах мира с 1950-х гг. происходило увеличение вылова рыбы, за исключением Европы, Северной и Южной Америк. С 1990-х гг. в Европе сокращается вылов дикой рыбы, который не компенсируется увеличением производства аквакультуры³. С 1992 по 2019 гг. добавленная стоимость, генерируемая британским рыболовством, сократилась на 59% [Echebarria Fernández et al., 2022]. Таким образом, в период действия ОРП как британская, так и европейская рыболовные отрасли превратились в стагнирующую индустрию.

Недовольство рыбаков направлено на действия наднациональных институтов из-за неспособности последних выполнить основную цель ОРП – обеспечить экологическую устойчивость рыболовного промысла при учете социально-экономического фактора. Во-первых, с точки зрения рыбаков, система ежегодного определения квот была непрозрачной, т. к. они зачастую устанавливались на уровнях, превышающих научно рекомендованные [Моисеева, 2020; Carpenter et al., 2016]. Во-вторых, представителей индустрии возмущала невозможность изменить закрепленные национальные доли, т. е. нарастить долю вылова на фоне падения уловов и социально-экономической деградации прибрежных регионов. Дополнительный фактор евроскептицизма – распространенное мнение о несправедливости изначальных условий членства в ЕС в контексте рыболовства, об отсутствии изъятий, учитывающих значение британских вод для Европы и политико-социальную значимость индустрии для Британии [Huggins et al., 2020].

Несмотря на небольшую численность, британские рыбаки стали одним из самых громких голосов евроскептиков и брекзитеров, а также проявили значительный потенциал к самоорганизации. Позиция рыбаков находила сочувствие и поддержку в Консервативной партии. Об их трудном положении часто говорил Найджел Фарадж, на тот момент лидер Партии независимости Соединенного Королевства (*UKIP*). Именно в среде рыбаков жесткая позиция *UKIP* нашла искренний от-

¹ Judgment of the Court of 19 June 1990. Case C-213/89; Judgment of the Court of 25 July 1991. Case C-221/89; Judgment of the Court of 4 October 1991. Case C-246/89; Judgment of the Court of 5 March 1996. Joined cases C-46/93 and C-48/93.

² Кейсы «Kramer», 61/77 (Еврокомиссия против Ирландии), 804/79 (Европейская комиссия против Соединенного Королевства).

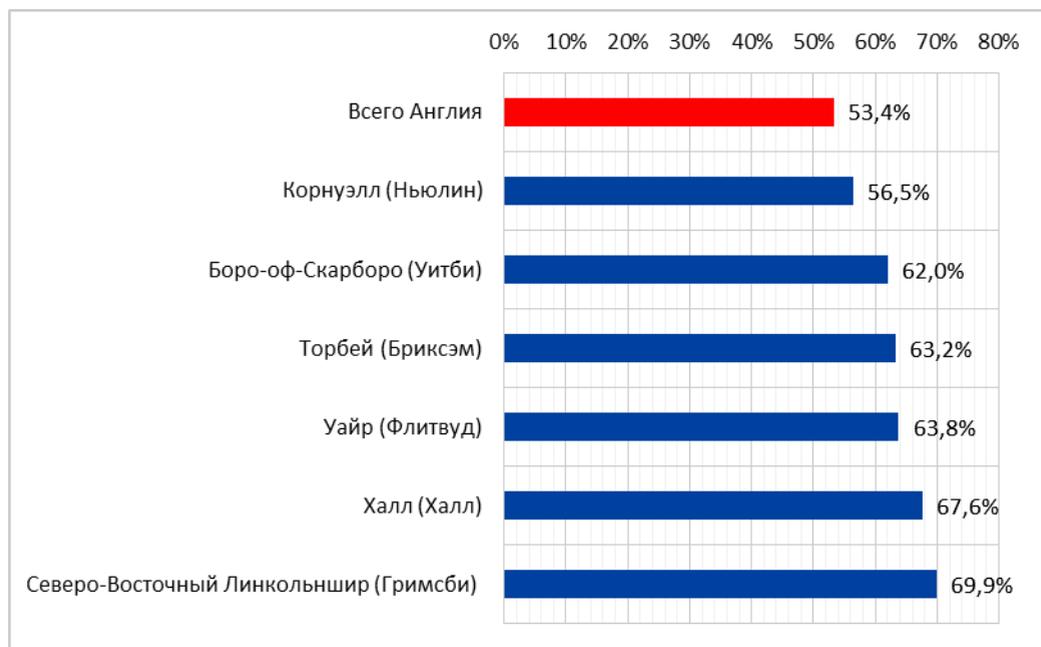
³ The State of World Fisheries and Aquaculture 2022. FAO. 2022.

клик, выразившийся в проходах «рыболовных флотилий» по Темзе в 2016 г.¹

Евроскептицизм рыболовных сообществ замечен при анализе результатов референдума о выходе Британии из ЕС 2016 г. Несмотря на невысокую численность работающих в отрасли, индустрия занимает существенную долю экономики прибрежных регионов, обеспечивает рабочие места в смежных отраслях (переработка рыбы, транспортировка, судостроение, сфера услуг) и ведет к образованию сообществ, объединяющих людей не столько по профессиональному признаку, сколько по социальному, культурному и историческому. Значимость этого фактора заметна при сравнении доли голосовавших за брекзит в округах с крупнейшими рыболовными портами страны со средним значением по Англии (Рисунок 1) и Шотландии (Рисунок 2). Например, в Северо-Восточном Линкольншире, где расположен порт Гримсби, за выход из ЕС проголосовали почти 70%². Наиболее заметно рыболовный фактор проявился в голосовании по брекзиту в Халле (Кингстон-апон-Халл), где избирательный округ состоит из города-порта и его окрестностей.

Рисунок 1

Доля голосов за выход из ЕС в 2016 году в округах с крупными рыболовными портами в Англии

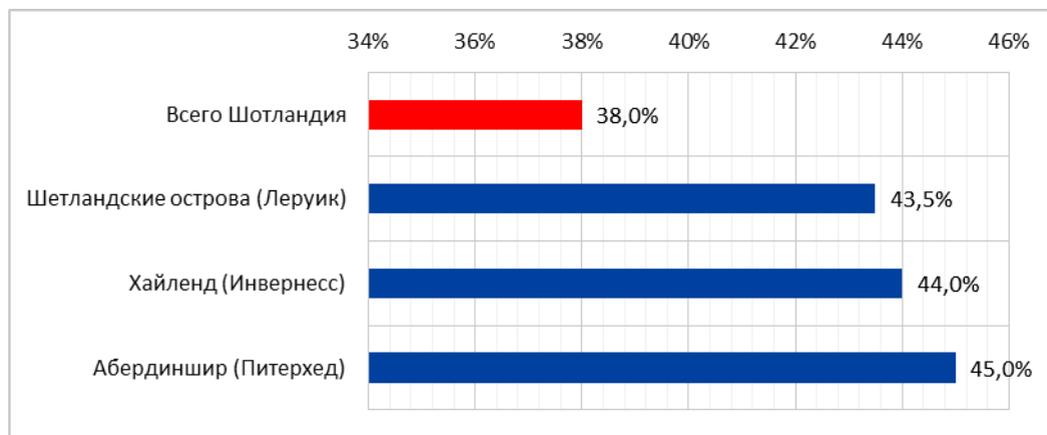
Составлено автором по данным *BBC* о результатах референдума 2016 года. URL: https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 06.04.2023).

¹ Thames: Nigel Farage and Bob Geldof fishing flotilla clash // *BBC*. 15.06.2016. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-36537180> (дата обращения: 06.04.2023).

² Referendum Results. *BBC*. URL: https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 06.04.2023).

Рисунок 2

Доля голосов за выход из ЕС в 2016 году в округах с крупными рыболовными портами в Шотландии

Составлено автором по данным *BBC* о результатах референдума 2016 года.

ОРП – система многоуровневого управления, в рамках которой существенными формальными полномочиями наделяются не только национальные, но и субнациональные акторы – региональные власти и рыболовные ассоциации [Коломин, 2022]. В соответствии с деволуцией полномочий на региональный уровень в Британии, рыболовство в Шотландии регулируется Морским директором Шотландии. Он самостоятельно распределяет шотландскую часть национальной квоты на вылов во взаимодействии с ассоциациями производителей, прежде всего с Шотландской рыболовной федерацией (*SFF*). При этом *SFF*, отражающая интересы крупных рыбаков – обладателей наибольших по тоннажу и производительности судов, выступила за выход из ЕС вопреки позиции правящей Шотландской национальной партии (*Scottish National Party, SNP*). Политическим следствием евроскептицизма рыбаков стала не только высокая доля брекзитеров в прибрежных регионах, но изменения в политическом балансе. На выборах в парламент Шотландии в 2016 г., предварявших референдум, консерваторы оказались вторыми и получили 31 место (против 15 на предыдущих выборах)¹ в результате фактора ОРП [Connolly et al., 2022].

Фактор рыболовной политики в переговорах о выходе из ЕС

Основное препятствие в стремлении Британии обрести полный контроль над морскими биоресурсами в пределах ИЭЗ – торгово-экономическая и институцио-

¹ Results and turnout at the 2016 Scottish Parliament election. The Electoral Commission. 16.04.2021 URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/scottish-parliamentary-elections/results-and-turnout-2016-scottish-parliament-election> (дата обращения: 06.04.2023).

нальная взаимозависимость ЕС и Соединенного Королевства. В переговорах с Брюсселем Лондон стремился к обретению статуса независимого прибрежного государства по аналогии с Норвегией или Исландией. Для последней ОРП была одним из главных факторов отзыва заявки на вступление в Евросоюз в 2015 г. [Бабынина, 2015]. Однако такой вариант мог привести к коллапсу рыболовных сообществ северных континентальных стран ЕС, зависящих от британской ИЭЗ.

Торгово-экономическая взаимозависимость сторон характеризуется зависимостью континентальных стран от ИЭЗ Британии, а Соединенного Королевства – от доступа к рынку ЕС, на который приходится порядка 70% экспорта рыбы и рыбопродуктов страны [Narier, 2016]. По своей сути ОРП изначально представляла своеобразную сделку владельцев биоресурсов с теми, кто предоставляет рынок для их сбыта [Penas Lado, 2016]. Соответственно, обе стороны имели аргументы, которые не позволяли Лондону просто закрыть доступ для рыбаков из Евросоюза.

Необходимость совместного управления морскими биоресурсами для достижения устойчивости популяций и накопленная институциональная инерция препятствовали реализации сценария жесткого развода сторон. В ЕС рыболовство не только относится к исключительной компетенции наднациональных властей (за исключением вопроса распределения квот, находящегося в компетенции Совета ЕС), но и является одной из наиболее регулируемых политик, в которой европейские институты имеют право осуществлять контрольно-надзорные функции. С 2015 г. в Евросоюзе действует критерий обязательной выгрузки всего улова на сушу (недопущение выброса рыбы в море, *landing obligation*). За последние десятилетия наднациональные институты создали целый пласт организаций¹, которые обеспечивают ЕС продвинутой экспертизой, а национальных рыболовов – целевым финансированием для поддержания социально-экономической устойчивости [Коломин, 2022]. Сформированная институционализируемая среда ОРП значительно увеличивала издержки возможных односторонних действий Британии по выдворению европейских рыбаков.

В процессе переговоров Лондону не удалось отделить вопрос доступа к морским пространствам от основного торгового трека переговоров, что предопределило более мягкий итоговый формат СТС в сфере рыболовства. Изначальная переговорная позиция ЕС заключалась в гарантировании преференциального доступа европейских рыбаков через использование торговой зависимости Британии от рынка Союза [Sobrinho Heredia, 2017]. Как показывает анализ переговорных позиций и итогового соглашения (

Таблица 1), Британия добилась значительного трансферта европейской доли вылова в 25%, что позволило заявить об успешном возвращении контроля над водами. Однако Лондону не удалось установить кондициональный доступ к своим водам, а гарантией европейских рыбаков стал ковенант о праве ЕС ввести тарифы

¹ Следует отметить научно-промышленные советы (*advisory councils*) с участием региональных властей и ассоциаций производителей, Научно-технический и экономический комитет по рыболовству (*STECF*), Европейский фонд морского хозяйства, рыболовства и аквакультуры (*EMFAF*).

на британскую рыбную продукцию в случае односторонних действий Соединенного Королевства.

Таблица 1

**Переговоры о доступе к британским водам в контексте брекзита:
переговорные позиции и итоговые решения**

Переговорный вопрос	Переговорная позиция		Итог
	Британия	ЕС	
Доля вылова ЕС, переходящая британским рыбакам	80% → 60% → 35%	15% → 18% → 25%	25% (15% + 2,5% в год)
Переходный период	3 года	14 лет → 7 лет	5,5 лет (до 2026 г.)
Условия доступа рыбаков ЕС по окончании переходного периода	Лицензии на вылов	Гарантированный доступ	Ежегодные переговоры о распределении с гарантированной долей ЕС (кейс Норвегии)
Тарифы на экспорт рыбы в ЕС	Нет	Нет в случае сохранения доступа к водам	Нет в случае сохранения доступа ЕС к британским водам
Ковенант о праве ЕС ввести тарифы в случае нарушения соглашения	Нет или только на рыбу и рыбную продукцию	Да, на все виды продукции («молот»)	Да, но только на рыбу и рыбную продукцию

Составлено автором на основе Соглашения о торговле и сотрудничестве в части рыболовства¹ и открытых данных.

В итоге дополнительные квоты для британских рыбаков вместе со вступлением в силу Акта о рыболовстве 23 ноября 2020 г., который предшествовал заключению СТС, позволили Британии заявить о возвращении суверенитета над своими водами. Именно возвращение контроля из Брюсселя в Лондон являлось лейтмотивом брекзита [Бабынина, 2016]. По мере постепенного перехода дополнительной квоты британским рыбакам следует ожидать улучшения социально-экономического состояния рыболовной индустрии Соединенного Королевства.

Однако достигнутое соглашение повторяет принципы, которые лежат в основе ОПР, главный из которых – относительная стабильность. Неизменным осталось территориальное разделение морских пространств в соответствии с морским пра-

¹ UK-EU Trade and Cooperation Agreement: Fisheries. UK Parliament Briefing Paper No. 9174. 18.03.2021. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9174/CBP-9174.pdf> (дата обращения: 25.04.2023).

вом вместо альтернативного зонального деления. При определении максимального улова к распределению стороны по-прежнему будут руководствоваться рекомендациями Международного совета по исследованию моря (ИКЕС), а для экспорта продукции британские рыболовы будут обязаны учитывать стандарты ЕС в рамках ОРП. Наконец стороны вынуждены договариваться о квотах и технических мерах в рамках региональных организаций по управлению рыболовством и различных межправительственных переговорных форматах, но имея меньший переговорный вес по отдельности. Британия получила максимальные преференции со стороны Евросоюза, однако осталась в европеизированном режиме управления, подтверждающим взаимозависимость сторон.

Таким образом, фактор ОРП в свете выхода Британии из ЕС имеет двойственную природу. С одной стороны, недовольство рыболовных сообществ результатами ОРП на фоне общего упадка индустрии и негативного исторического опыта превратило рыбаков в оплот евроскептицизма и повлияло на результаты референдума 2016 г. С другой стороны, условия выхода Британии в области рыболовства отражают сохранение взаимозависимости и триумф институциональной связанности. В процессе переговоров Лондон не сумел изменить фундаментальные принципы сотрудничества с ЕС в этой сфере, несмотря на то что именно Соединенное Королевство оказало значительное влияние на становление ОРП в современном виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабынина Л.О. (2015) Исландия и Европейский союз: рыба и банки. *Аналитические записки Института Европы Российской академии наук.* № 6. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an6.pdf>

Бабынина Л.О. (2016) Значение Brexit для Европейского союза. *Современная Европа.* № 70(4). С. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope420162133>

Коломин В.О. (2022) Общая рыболовная политика ЕС сквозь призму концепции многоуровневого управления. *Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные Отношения и Мировая Политика.* № 14(1). С. 151–174. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-1-151-174>

Моисеева Д.Э. (2020) «Репатриация» рыболовной политики: случай Великобритании. *Современная Европа.* № 97(4). С. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope42020112122>

Руденкова Д. Э. (2015) «Рыбные войны» с участием Европейского союза. *Мировая экономика и международные отношения.* № 6. С. 71–81. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-71-81>

Энтин К.В. (2015) *Право Европейского союза и практика Суда Европейского союза.* Норма; ИНФРА-М, Москва. 240 с.

Bossche K. (2005) EU Enlargements and Fisheries: a Legal Analysis Steps Towards the Re-Nationalisation of EU Maritime Waters. *Jurisprudencija.* No. 72(64). P. 124–136.

Carpenter G. (2017) *Not in the Same Boat: the Economic Impact of Brexit Across UK Fishing Fleets.* URL: <https://neweconomics.org/uploads/files/Not-in-the-Same-Boat-PDF.pdf> (accessed: 06.04.2023).

Carpenter G., Kleinjans R., Villasante S., & O’Leary B.C. (2016) Landing the blame: The influence of EU Member States on quota setting. *Marine Policy.* No. 64. P. 9–15. DOI:

<https://doi.org/10.1016/j.marpol.2015.11.001>

Charles A.T. (1992) Fishery conflicts. *Marine Policy*. No. 16(5). P. 379–393. DOI: [https://doi.org/10.1016/0308-597X\(92\)90006-B](https://doi.org/10.1016/0308-597X(92)90006-B)

Connolly J., Zwet A. van der Huggins C., McAngus C. (2022) The governance capacities of Brexit from a Scottish perspective: The case of fisheries policy. *Public Policy and Administration*. No. 37(3). P. 342–362. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952076720936328>

Echebarria Fernández J., Johansson T.M., Skinner J.A., Lennan M. (2022) *Fisheries and the Law in Europe*. Routledge, London, UK. 170 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003252481>

Gray T.S. (1998) Fishing and Fairness: the Justice of the Common Fisheries Policy. *The Politics of Fishing*. Palgrave Macmillan, London, UK. P. 228–250. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26775-0_15

Grotius H. (2001) *The Freedom of the Seas, or the Right Which Belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade*. The Lawbook Exchange. 182 p.

Huggins C., Connolly J., McAngus C., van der Zwet A. (2020) Brexit and the Uncertain Future of Fisheries Policy in the United Kingdom: Political and Governance Challenges. *Ocean Yearbook Online*. No. 34(1). P. 20–42. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004426214_003

Jóhannesson G.T. (2004) How “cod war” came: the origins of the Anglo-Icelandic fisheries dispute, 1958–1961. *Historical Research*. No. 77(198). P. 543–574. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.2004.00222.x>

Napier I. (2016). Fish Landings from the United Kingdom’s Exclusive Economic Zone: by area, nationality and species. *NAFC Marine Centre*. URL: <https://pure.uhi.ac.uk/en/publications/fish-landings-from-the-united-kingdoms-exclusive-economic-zone-by> (accessed: 06.04.2023).

Penas Lado E. (2016) *The Common Fisheries Policy: The Quest for Sustainability*. Wiley-Blackwell. 392 p.

Schatz V. (2019) Access to Fisheries in the United Kingdom’s Territorial Sea after its Withdrawal from the European Union: A European and International Law Perspective. *Goettingen Journal of International Law*. No. 9(3). P. 457–500. DOI: <https://doi.org/10.3249/1868-1581-9-3-schatz>

Sobrino Heredia J.M. (2017) *Research for PECH Committee – Common Fisheries Policy and BREXIT - Legal framework for governance*. European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels, Belgium. 158 p. DOI: 10.2861/621765

Vieira M.B. (2003) Mare Liberum vs. Mare Clausum: Grotius, Freitas, and Selden’s Debate on Dominion over the Seas. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 64. No. 3. P. 361–377. DOI: <https://doi.org/10.1353/jhi.2003.0043>

Common Fisheries Policy in the Light of Brexit

V.O. Kolomin*

PhD candidate

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

*E-mail: vokolomin@ya.ru

Abstract. The article examines the impact of the Common Fisheries Policy of the European Union (CFP) on the UK’s withdrawal from the EU. On the one hand, the article explains the reasons for the appearance of an economically insignificant fishing issue on the forefront of the British domestic political agenda on the eve of Brexit. On the other hand, it sheds light on the factor of the CFP in the negotiations on Britain’s with-

drawal from the EU and the subsequent Trade and Cooperation Agreement (TCA) between the parties. Also, the author elaborates on the role of fishing communities in the Brexit vote, as well as on the factors that shaped the bargaining positions and strategies of the parties in the Brexit negotiations with regards to the CFP. The article focuses on institutional and political-economic features of the CFP that determined the final agreement in terms of fisheries. Despite a few concessions from Brussels and the transfer of a quarter of the European proportion of the catch to fishermen of the United Kingdom during the transition period, the Agreement does not involve fundamental changes in the UK's fisheries policy and the cooperation with the EU. The final deal reflects the interdependence of the partners, the Europeanization of the fisheries management, and preserves preferential access to British waters for European fishermen.

Key words: European Union, Common Fisheries Policy, CFP, Brexit, Fisheries, multi-level governance, MLG

DOI: 10.31857/S0201708323040137

EDN: bxmcr

REFERENCES

- Babynina L.O. (2015) Islandiya i Evropeiskii soyuz: ryba i banki [Iceland and the European Union: fish and banks], *Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences Analytical papers*, No. 6. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an6.pdf> (In Russian).
- Babynina L.O. (2016) Znachenie Brexit dlya Evropeiskogo soyuza [The meaning of Brexit for the EU], *Contemporary Europe*, 70(4), pp. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope420162133> (In Russian).
- Kolomin V.O. (2022) Obshchaya rybolovnaya politika ES skvoz' prizmu kontseptsii mnogourovnevnogo upravleniya [Common Fisheries Policy of the EU through the Lens of Multi-Level Governance Framework], *Lomonosov World Politics Journal*, 14(1), pp. 151–174. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-1-151-174> (In Russian).
- Moiseva D. (2020) «Repatriatsiya» rybolovnoi politiki: sluchai Velikobritanii [“Repatriation” of Fisheries Policy: the United Kingdom Case], *Contemporary Europe*, 97(4), pp. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope42020112122> (In Russian).
- Rudenkova D. (2015) «Rybnye voyny» s uchastiem Evropeiskogo soyuza [The European Union “Fish Wars”], *World Economy and International Relations*, 6, pp. 71–81. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-71-81> (In Russian).
- Entin K.V. (2015) *Pravo Evropeiskogo soyuza i praktika Suda Evropeiskogo soyuza* [The law of the European Union and the practice of the Court of Justice of the European Union]. Norma, INFRA-M, Moscow, Russia. (In Russian).
- Bossche K. (2005) EU Enlargements and Fisheries: a Legal Analysis Steps Towards the Re-Nationalisation of EU Maritime Waters, *Jurisprudencija*, 72 (64), pp. 124–136.
- Carpenter G. (2017) *Not in the Same Boat: the Economic Impact of Brexit Across UK Fishing Fleets*. URL: <https://neweconomics.org/uploads/files/Not-in-the-Same-Boat-PDF.pdf> (accessed: 06.04.2023).
- Carpenter G., Kleinjans R., Villasante S., O’Leary B.C. (2016). Landing the blame: The influence of EU Member States on quota setting, *Marine Policy*, 64, pp. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2015.11.001>

Charles A.T. (1992) Fishery conflicts, *Marine Policy*, 16(5), pp. 379–393. DOI: [https://doi.org/10.1016/0308-597X\(92\)90006-B](https://doi.org/10.1016/0308-597X(92)90006-B)

Connolly J., Zwet A. van der Huggins C., McAngus C. (2022) The governance capacities of Brexit from a Scottish perspective: The case of fisheries policy, *Public Policy and Administration*, 37(3), pp. 342–362. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952076720936328>

Echebarria Fernández J., Johansson T.M., Skinner J.A., Lennan M. (2022) *Fisheries and the Law in Europe*, Routledge, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003252481>

Gray T.S. (1998) Fishing and Fairness: the Justice of the Common Fisheries Policy, in *The Politics of Fishing*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 228–250. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26775-0_15

Grotius H. (2001) *The Freedom of the Seas, or the Right Which Belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade*. The Lawbook Exchange.

Huggins C., Connolly J., McAngus C., van der Zwet A. (2020) Brexit and the Uncertain Future of Fisheries Policy in the United Kingdom: Political and Governance Challenges, *Ocean Yearbook Online*, 34(1), pp. 20–42. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004426214_003

Jóhannesson G.T. (2004) How “cod war” came: the origins of the Anglo-Icelandic fisheries dispute, 1958–1961, *Historical Research*, 77(198), pp. 543–574. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.2004.00222.x>

Napier I. (2016) Fish Landings from the United Kingdom’s Exclusive Economic Zone: by area, nationality and species, *NAFC Marine Centre*. URL: <https://pure.uhi.ac.uk/en/publications/fish-landings-from-the-united-kingdoms-exclusive-economic-zone-by> (accessed: 06.04.2023).

Penas Lado E. (2016) *The Common Fisheries Policy: The Quest for Sustainability*, Wiley-Blackwell.

Schatz V. (2019) Access to Fisheries in the United Kingdom’s Territorial Sea after its Withdrawal from the European Union: A European and International Law Perspective, *Goettingen Journal of International Law*, 9(3), pp. 457–500. DOI: <https://doi.org/10.3249/1868-1581-9-3-schatz>

Sobrino Heredia J.M. (2017) *Research for PECH Committee – Common Fisheries Policy and BREXIT - Legal framework for governance*, European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels, Belgium. DOI: 10.2861/621765

Vieira M.B. (2003) Mare Liberum vs. Mare Clausum: Grotius, Freitas, and Selden’s Debate on Dominion over the Seas, *Journal of the History of Ideas*, 64(3), pp. 361–377. DOI: <https://doi.org/10.1353/jhi.2003.0043>